

ШЕВЯКОВА В. Е.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНТОНАЦИОННЫХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Проблема принципа экономии в языке давно интересует лингвистов. Однако многое в этом вопросе еще остается неясным, разными лингвистами он трактуется по-разному. Например, А. Мартине рассматривает принцип экономии только с точки зрения тенденции к осуществлению минимума физического и умственного усилия в процессе речевой деятельности [1]. Под принцип экономии физических усилий можно также подвести, в частности, такие механизмы, как ослабление придыхания на английских глухих смычно-взрывных согласных в положении после глухих щелевых, произнесение которых требует значительных артикуляционных усилий; уподобление смежных согласных по способу и/или месту образования, по работе гдосовых связей.

Другая трактовка принципа экономии предусматривает устранение избыточности выражения тех или иных грамматических значений, снятие так называемого «Übercharakterisierung» (например, замена сложной видо-временной формы Past Perfect на простую форму Past Indefinite при наличии лексического показателя категории предшествования; неэкспликация в латинском и испанском языках личного местоимения-подлежащего при спрягаемом глаголе, имеющем личные окончания).

Одним из проявлений принципа экономии в языке является взаимодействие и взаимная компенсация фразовой интонации, с одной стороны, и лексических и грамматических показателей, — с другой. Речь идет о диапазоне действия так называемого «принципа замены», сформулированного А. М. Пешковским: «Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)» [2]. Этот принцип, сформулированный более чем полвека тому назад, когда лингвистика еще не располагала данными объективного электроакустического интонографического анализа речевой интонации, до сих пор принимается лингвистами за аксиому. Отдавая должное выдающемуся советскому языковеду, следует отметить, что А. М. Пешковский один из первых включил интонацию в число синтаксических средств и с известной степенью конкретности «описал ее звуковые обнаружения. И в этом большая заслуга Пешковского перед наукой» [3]. Однако замеченная им закономерность в отношении взаимной компенсации интонации и других средств выражения грамматического значения не имеет, как оказалось, универсального приложения, поскольку А. М. Пешковский полагался только на собственное слуховое восприятие мелодических интервалов фразовой интонации.

Изучение данного вопроса, в частности исследование фразовой интонации с помощью электроакустического метода исследования [4], показало, что так называемое взаимодействие интонационных лексико-грамматических средств — процесс односторонний. Интонация способна заменить грамматическое выражение ремы, выражение коммуникативного типа предложения, бессоюзие в сложных предложениях (сложносочиненных и сложноподчиненных), но, с другой стороны, грамматическое выражение не может заменить интонационное, которое в предложении всегда присутствует. К тому же вопрос о компенсации можно понимать по-разному.

Компенсация может означать только чистую замену одного из средств другим во избежание *Übercharakterisierung* — чистый принцип экономии; или под компенсацией может пониматься не просто одна лишь замена, а более чем обычно выраженное интонационно-грамматическое оформленные предложения. В отношении интонации это может означать увеличение диапазона нисходящего или восходящего мелодического завершения, большую интенсивность произнесения, чем при комплексном выражении того или иного значения, причем осуществляется это как собственно грамматическими, так и интонационными средствами. Итак, интонация может заменить грамматический способ ремовыражения. Ср.: *В Ленинград уехал Петр* (и позиционное, и интонационное ремовыражение подлежащего *Петр*) и *Петр уехал в Ленинград* (только интонационное ремовыражение — экономия). Вместо *Хочу задать вам вопрос* (рема — дополнения *вопрос* — выражается и позиционно, и интонационно) можно сказать: *Вопрос хочу вам задать* с интонационным ремовыделителем. Аналогично, вместо *Я не доверяю ни кому* можно сказать: *Я никому не доверяю*. Ср.: «(Значит мне не доверяют? Тогда какого черта!) — *Я никому не доверяю, я батюшке не доверяю*» (А. Толстой, *Хождение по мукам*). В английском: «*We were taken into a large tent. Three men were inside*» (J. Aldridge, *The sea eagle*).

Таким образом, при конечной реме имеет место и позиционное, и интонационное ремовыражение (нисходящий терминальный тон, выделяющий рему и создающий впечатление главноударности, необходим и на реме, находящейся в конечной, ремосигнализирующей позиции). При начальной реме осуществляется только интонационное ремовыражение. При этом, если нет эмфазы (как, например, в предложениях: *Вопрос хочу вам задать*, где начальное положение ремы *вопрос* объясняется не эмфазой, а контекстуальной избыточностью и самоочевидностью отодвигаемой в конец темы *хочу вам задать*), то никакой особой компенсации отсутствия позиционного показателя ремы с точки зрения увеличения диапазона нисходящего тона и повышения интенсивности произнесения здесь не происходит. Указанные просодические параметры на начальной реме здесь не отличаются от соответствующих параметров на реме конечной.

При наличии же эмфазы (противопоставление, повторное эмфатическое употребление) диапазон в начале фразы будет увеличиваться так же, как и при эмфазе и противопоставлении в конечной, ремосигнализирующей позиции, например: *Я не о том говорю, я только хочу задать вам вопрос*.

Интонация и одна может указать на коммуникативный тип предложения, независимо от собственно грамматической его формы. Так, предложение с прямым порядком слов будет выражать утверждение или вопрос именно благодаря интонации. С нисходящим конечным завершением — утверждение, с восходящим — вопрос: *Он живет в Москве. — Он живет в Москве?; He has heard the news. — He has heard the news?* То же в отношении предложения с инверсией в английском языке: с восходящим тоном выражается вопрос «*(Are you right?)*», с нисходящим [*(If you are right, I agree), but \ a r e you right*] (J. Galsworthy, *The man of property*) — утверждение, выражающее сомнение, идентичное по смыслу отрицательному утверждению *I doubt your being right*. Только в зависимости от интонации слова *Какой герой* прозвучат либо как вопрос (*К а к о й герой?*), либо как восклицание (*Какой г е р о й!*).

Таким образом, что касается первой части формулировки А. М. Пешковского, то она не имеет релевантного значения, ибо грамматические показатели заменить интонацию не могут. Каким бы грамматическим или же лексическим показателем ни выделялась рема, она всегда будет иметь также и интонационное выражение, т. е. выделяться главным ударением (оно также называется логическим, рематическим, тоническим, предцирующим, ядерным, предикатным ударением, ударением новизны). Ср. приведенные выше примеры с конечной ремой; ср. также выделение ремы специальными синтаксическими конструкциями: оборотом с вводящим *there* (англ.), *es gibt* (нем.), *il y a* (франц.): инверсией с опущенным *there*

типа *Behind stood Martin*; оборотом *it is... that* [5], агентивным дополнением при пассиве: *Radio was invented by Popoff*.

Наличие вопросительной частицы *ли* в русском неместоименном вопросительном предложении не снимает с интонации вышеуказанных функций, как полагал А. М. Пешковский [6]. При одинаковой ситуации предложения *Хотел ли ты этого?* и *Хотел ты этого?* имеют одинаковую интонацию вопросительности и одинаковую рему.

На протяжении многих лет в отношении английского неместоименного вопросительного предложения с прямым порядком слов (*You are Mr. Pyle?*) из-за не критического подхода к принципу замены априорно делался вывод (на первый взгляд кажущийся логичным), что отсутствие позиционного показателя вопросительного значения (глагольной инверсии) компенсируется в нем показателем интонационным — более выраженными мелодическими интервалами вопросительности, большим диапазоном повышения терминального восходящего тона, выражающего вопрос [7]. Это естественно приводило к неоправданному выводу о смысловой синонимичности и функционально-семантической идентичности неместоименного вопросительного предложения с прямым порядком слов и неместоименного вопросительного предложения с инверсией [в одном случае инверсия и вопросительная интонация (*Are you Mr. Pyle?*), в другом — прямой порядок слов, свойственный повествовательному предложению, и более выраженная вопросительная интонация].

При всей на первый взгляд кажущейся логичности такого взаимодействия интонационных и позиционных средств выражения вопросительного значения объективный электроакустический анализ интонации не подтвердил этого положения. Выяснилось, что неместоименные вопросительные предложения с прямым порядком слов не имеют более выраженной интонации вопросительности даже в языке аналитического строя, каким является английский язык. Важность этого положения подтверждается тем фактом, что новые данные позволили определить и коммуникативную задачу предложения с прямым порядком слов. Отсутствие глагольной инверсии в неместоименных вопросительных предложениях с прямым порядком слов при интонации, идентичной интонации предложений с инверсией, свидетельствует о некотором уменьшении в них вопросительного значения. Такие предложения скорее выражают некоторое предположение относительно возможности получения подтверждающего ответа. Но поскольку основной показатель коммуникативного типа предложения — интонация — сохраняет черты вопросительности, такое высказывание представляет собой не утверждение, а предположительный вопрос. Интонационная компенсация отсутствия инверсии здесь не нужна, поскольку именно отсутствие компенсации является значимым. К тому же, чтобы предложение, даже с прямым порядком слов, было понято как вопросительное, вполне достаточно тех мелодических интервалов, которые свойственны интонации вопросительного предложения с инверсией.

То же относится к вопросительному предложению с прямым порядком слов в функции переспроса и вопросительного восклицания, выражающего удивление, недоверие, порицание. Но в этих случаях обычно бывает эмпфаза и поэтому диапазон мелодических интервалов может увеличиваться. Ср.: «— *Your brother is in the dining-room. — My brother is in the dining-room!?* What nonsense! I haven't got a brother» (O. Wilde, The importance of being earnest).

Недостаточно обоснованными представляются также широко распространенные в русистике и англистике положения об интонационной компенсации отсутствия союза в бессоюзных сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Ср.: *Если приедешь, узнаешь* и *Приедешь — узнаешь*. А. М. Пешковский полагал, что во втором случае отсутствие союза требует более выраженной интонации условия, а в первом случае такая интонация не нужна. В действительности же усеченное придаточное условия во втором примере полностью сохраняет свое значение и, соответственно, адекватно воспринимается слушающим. То же самое справедливо и при бессоюзном сочинении. Ср.: *Солнце скрылось и начался дождь* и *Солнце*

скрылось, начался дождь. При одинаковых ситуационных обстоятельствах интонация не только заключительной, но и первой части обоих предложений идентична (за исключением разного количества слогов). В обоих случаях, т. е. в союзном и бессоюзном предложениях, могут быть реализованы три интонационных варианта, в зависимости от смысловой весомости обеих частей в отношении друг друга внутри каждого из двух предложений. Так, при равновесности первая часть *Солнце скрылось* в обоих случаях произносится с нисходящим завершением умеренного диапазона. При меньшей весомости первой части в обоих случаях она произносится с завершающим восходящим тоном. При большей весомости первой части акустические параметры и воспринимаемые на слух качества как при бессоюзном, так и союзном сочинении идентичны: нисходящий тон расширенного диапазона [8]. Конец предложения во всех случаях произносится здесь с нисходящим тоном.

Аналогичным образом при наличии в приведенных выше сложносочиненных предложениях оттенка причинно-следственных значений интонация и союзного и бессоюзного построения одинакова по всем параметрам: по мелодическому завершению обеих частей, по интонационным способам осуществления межсинтагменного стыка, интервалам, диапазонам, паузация [8, с. 5—6].

Имеется также экспериментальное подтверждение аналогичности интонационного оформления обособленных атрибутивных конструкций, как отделенных запятой от остального состава предложения, так и не отделенных (т. е. отсутствие взаимной компенсации интонационного и пунктуационного способа выражения обособления) [9].

Преувеличение действия «принципа замены» Пешковского и некритический к нему подход настолько довлеют над исследователями, что подчас приводят их к неправильному толкованию ими же полученных объективных данных с помощью интонографического метода и, следовательно, — к ошибочным трактовкам фактов языка. Так, например, в исследовании по интонационной структуре сложных бессоюзных пояснительных предложений [10], с одной стороны, отмечается, что при подстановке союза в бессоюзные предложения с пояснениями в точке синтагматического раздела имеется перелом в движении частоты основного тона (перелом в движении мелодии, что, как известно, создает слуховое впечатление паузы, даже при отсутствии физической паузы, т. е. остановки звучания голоса), а также некоторое уменьшение длительности слогов в начале второй синтагмы (это также способствует акустическому эффекту паузы.) Однако в заключительных выводах констатируется обратное (так как исследователь больше верит фетишизируемому «принципу замены», чем собственным полученным объективным электроакустическим данным), т. е. что интонация сложных союзных предложений сильно отличается от интонации бессоюзных предложений «отсутствием синтагматического деления», ибо «синтагмы объединяются как бы единым интонационным рисунком», т. е. якобы отсутствует интонация присоединения благодаря наличию союза.

Думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы поставить под сомнение абсолютную релевантность «принципа замены» Пешковского. Имеется, однако, случай, в котором этот принцип действительно проявляется. Это местоименное вопросительное предложение. Наличие в нем местоименного вопросительного слова, которое в ответе требуется наполнить конкретным лексическим содержанием, устраняет необходимость в интонационном ремовыражении и в значительной мере в выражении вопросительного значения.

Местоименное вопросительное слово, в отличие от частицы *ли* в русском языке, вспомогательного вопросительного *do* в английском, является единственным в своем роде, комбинированным лексико-грамматическим показателем нераскрытой ремы вопроса (она же потенциальная рема ответа). Она действительно не нуждается еще и в интонационном способе ремовыражения, ибо свободно распознается по своему местоименному абстрактному неэксплицированному характеру. Поэтому, как правило,

в эмоционально нейтральной речи главное предидирующее ударение падает не на вопросительную ремю, а на один из элементов остального состава — тему. Как правило, это последний элемент группы темы (*Кто з о в о р и т?* — *Товарищ Кузьма*; — *Где И в а н о в?* — *Здесь*), но при противопоставлении, эмфазе оно может смещаться на другой элемент темы или же и на саму ремю. Например: *Я не спрашиваю, куда Иван уехал: куда Кузьма уехал?* [11]. Ср. главное ударение на реме, которое представлено не регулярно, а в виде особых случаев — при переспросе всего высказывания, при просьбе уточнить один элемент реплики собеседника и при наличии после вопросительного слова безударных строевых элементов: «(What will you give me for that same handkerchief?) — **What** handkerchief? — **What** handkerchief? Why, that the Moor gave to Desdemona» (W. Shakespeare, Othello); «How's the General — **Which** General?» (Gr. Greene, The quiet American); *Who is he?*, *What is it?*, *What did you say?*

Доказательством рематичности местоименного вопросительного слова является также тот факт, что на какое бы слово в местоименном вопросительном предложении ни падало главное ударение, ответ к неместоименному вопросу всегда будет ответом к вопросительному слову. Ср.: *Где он живет?* — *В Москве*; *Где он живет?* — *В Москве*; *Где он живет?* — *В Москве*. В неместоименном же вопросе ответ с передвижением главного ударения будет каждый раз меняться: *Он живет в Москве?* — *В Москве*; *Он ж и в е т в Москве?* — *Живет*; *Он живет в Москве?* — *Он*.

При особой эмфазе (при противопоставлении) на последнем слове предложения местоименное вопросительное слово может полностью утратить свое простое фразовое ударение, остаться совершенно безударным. Но и в этом случае полученный ответ будет ответом к нему. Ср.: *Я не спрашиваю, где вы живете* (не говорите мне об этом). *Где вы работаете?* Ответ, относящийся именно к вопросительному слову, закономерен и в том случае, когда тема выражена местоименными глаголами с общим значением «делать; происходить», которые в ответе не повторяются (как повторяется обычно тема), а заменяются или конкретным глаголом (*Что это он там делает?* — *П и ш е т*), или целым предложением (*Что там происходит?* — *Ч е л о в е к т о н е т*): известно, что он что-то делает, но не известно, что именно; известно, что что-то происходит, но не известно, что именно. Конечно, когда задается вопрос, то тема тоже учитывается, ибо спрашивается что-то не вообще, а в отношении чего-то (в суждении утверждается что-то в отношении чего-то, в вопросе спрашивается что-то в отношении чего-то).

Тематический характер остального состава предложения, а следовательно, рематичность вопросительного слова выступает более наглядно, если поставить вопросительное слово в конец местоименного вопроса, что периодически встречается в речи. Ср.: *Он делает что?*, *Говорит кто?*, *Вы едете куда?* *Он не сделал этого почему?*; «*This will convince me. — Convince you of w h a t?*» (A. Maltz, Hunger); «*The work is remarkable. — Remarkable for w h a t?* — *For its naiveté*» (J. Galsworthy, The man of property).

Отметим, что Я. Фирбас отрицает рематичность местоименного вопросительного слова. Неучет проявления «принципа замены» привел Я. Фирбаса к утверждению о том, что местоименное вопросительное слово бывает ремей только от случая к случаю, при его эмфатическом выделении, например, переспросе [12]. Но это противоречит фактам языка, наблюдениям других ученых [13] и не соответствует системному характеру данного явления, которое сводится к тому, что в местоименном вопросительном предложении выражается неопределенно-предикатный вопрос (раскрыты субъект и связка, но не раскрыт предикат ответного суждения), а ему противостоит неместоименное вопросительное предложение, выражающее неопределенно-связочный вопрос (раскрыты субъект и предикат, но не известна связка).

В отношении выражения вопросительного значения в местоименном вопросительном предложении снимается часть интонационного выражения. Во-первых, на местоименном вопросительном слове, как правило,

имеется небольшое мелодическое повышение, отличающее начало звучания этого типа вопросительного предложения от повествовательного; во-вторых, при усилении вопросительного значения — переспросе, вопросительном восклицании — интонация этого типа предложения характеризуется завершающим повышением тона, как в неместоименном вопросительном предложении. Ср.: *Что вы сказали?*; «(How much is it?) — *How much, is it? Well, why should I know how much it is*» (J. Galsworthy, *The man of property*).

Таким образом, «принцип замены» Пешковского нашел весьма яркое проявление в случае с местоименным вопросительным предложением, но один случай не может составить правила. Во многих же других аспектах определенное лексическое и грамматическое значение (выражение) не снимает с интонации ее выразительно-грамматической функции. При отсутствии лексико-грамматических показателей интонация их может заменить. При этом можно говорить о возрастании роли и значения интонации, но не обязательно об усилении ее физико-акустических и просодических показателей. Для того чтобы выразить различные грамматические значения и коннотации, не требуются более выраженные и усиленные просодические показатели, чем при наличии лексических или собственно грамматических (например, при экспликации союзов, определенного порядка слов, наличия вопросительных частиц, пунктуации и др.). Роль и степень выраженности — это два разных момента, и их необходимо четко различать.

Итак, «принцип замены» Пешковского по существу имеет скорее односторонний характер: интонация может заменить грамматическое выражение ремы, значения условия, причинности, уступительности, обособления, расчленения, вопроса, утверждения, побуждения и др. Однако ничто, кроме местоименного вопросительного слова, не может заменить интонационное оформление высказывания, которое всегда сопровождает и лексическое, и грамматическое. Таким образом, сформулированный А. М. Пешковским «принцип замены» скорее более релевантен в своей второй части, чем в первой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартине А.* Основы общей лингвистики.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1963, с. 532—537.
2. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика.— Изв. ОРЯС. Ч. I. Кн. 2, с. 463.
3. *Бернштейн С. И.* Основные вопросы грамматики в освещении А. М. Пешковского. Вступит. статья.— В кн.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938, с. 37.
4. *Шевякова В. Е.* Интонация вопросительных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1954.
5. *Quirk R. et al.* A university grammar of English. Moscow, 1982, p. 361.
6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 393.
7. *Торсуев Г. П.* Фонетика английского языка. М., 1950, с. 214.
8. *Белгородская Л. И.* Интонационная структура бессоюзных сложных предложений с однородными высказываниями в современном английском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971.
9. *Тимонова В. М.* Интонационная структура предложения с обособленной атрибутивной конструкцией: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1973.
10. *Аксенова Г. Н.* Интонационная структура сложных бессоюзных пояснительных предложений: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971, с. 20.
11. *Шевякова В. Е.* Современный английский язык. М., 1980.
12. *Фирбас Я.* Функции вопроса в процессе коммуникации.— ВЯ, 1972, № 2.
13. *Таванец П. В.* Суждение и его виды. М., 1953.